

ДЖОН УИЛЬЯМ ПОЛИДОРИ

ВАМПИР

с дополнениями

Джон Полидори

Вампир

<https://litres.ru/74170183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами — первоисточник всех современных историй о вампирах. Повесть Джона Уильяма Полидори, написанная в 1819 году, впервые представила миру образ аристократического кровопийцы, который проникает в высшее общество, очаровывает и уничтожает. Лорд Рутвен — прообраз Дракулы и всех его кинематографических потомков: ледяной взгляд, мёртвенная бледность, неотразимая сила обольщения.

В издании также опубликовано знаменитое женевское письмо, рассказывающее о знаменательной ночи, когда Мэри Шелли придумала «Франкенштейна», а Полидори — своего вампира. Дополнительный очерк о жизни Байрона на острове Митилена помогает понять, как реальный поэт превратился в литературное чудовище.

Текст адаптирован для современного читателя: сохранены эпоха, атмосфера и авторский замысел, но устранена тяжеловесность старых переводов. Повесть читается как живая, острая и по-прежнему жуткая история.

Для всех, кто хочет прикоснуться к истокам вампирского жанра и узнать, каким был первый обворожительный злодей.

Содержание

К читателю	4
ВСТУПЛЕНИЕ	10
НАЧАЛО	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Уильям Полидори

Вампир

К читателю

Перед вами — одно из самых странных и значительных произведений в истории готической литературы. Повесть «Вампир», написанная молодым английским врачом Джоном Уильямом Полидори и впервые опубликованная в 1819 году, стала прародительницей целого жанра. Именно здесь впервые появился тот самый аристократичный, обольстительный и смертоносный вампир, который через восемьдесят лет обретёт бессмертное имя Дракула, а через два столетия заполонит экраны и книжные полки. Но если Дракула Брэма Стокера — уже зрелый, канонический образ, то Рутвен Полидори — его тень, его прообраз: ещё не обросший легендами, но уже несущий в себе всю разрушительную силу романтического зла.

История создания повести не менее увлекательна, чем сама фабула. Тот самый «необыкновенный вечер» в Женеве, который описан в предваряющем издании письме, — не выдумка. В июне 1816 года на вилле Диодати у Женевского озера собралась компания, которой суждено было изменить литературу: лорд Байрон, Перси Биши Шелли, Мэри Годвин

(будущая Шелли) и её сводная сестра Клер Клермон, а также доктор Полидори — личный врач Байрона. Именно тогда, читая вслух немецкие истории о привидениях, они договорились, что каждый напишет свою собственную историю с призраками. Мэри Годвин создала «Франкенштейна»; Байрон набросал начало незавершённого фрагмента о вампире; Полидори же, вдохновлённый идеей своего патрона, развил её в полноценную повесть. Правда, в первом издании повесть была ошибочно приписана лорду Байрону — сам Полидори, обиженный на Байрона за увольнение, не стал опровергать эту версию, что лишь подогрело читательский интерес.

Кто же такой лорд Рутвен? Современники сразу узнавали в нём лорда Байрона — тот же аристократический холод, та же демоническая притягательность и та же репутация безжалостного обольстителя. Но Полидори пошёл дальше: он превратил своего бывшего работодателя в кровопийцу, в буквальном смысле слова. И это был не просто памфлет, а глубокий психологический портрет человека, чья красота и обаяние несут гибель. Рутвен не пьёт кровь с явным наслаждением — он делает это как бы по необходимости, с той же отстранённостью, с какой он равнодушно наблюдает за светскими балами. Это вампир не столько мифологический, сколько романтический: он — дитя своего века, разочарованный герой, для которого жизнь потеряла цену, но который всё же жаждет власти над живыми душами. Он разру-

шает не только тела, но и судьбы, и именно в этом его истинная чудовищность.

Текст, который вы держите в руках, — это не буквальная реконструкция первоиздания 1819 года. Мы постарались сделать его максимально естественным для современного русского читателя, устранив тяжеловесность старых переводов, но при этом сохранив дух эпохи, её лексику, её особый ритм и атмосферу. Вампир Полидори — существо начала XIX века, он говорит и действует в соответствии с тогдашними представлениями о чести, долге и страсти. Мы не стали «осовременивать» его речь или поведение, но постарались избавиться от тех синтаксических и стилистических наслоений, которые делают текст трудночитаемым для неподготовленного глаза. Это не пересказ и не адаптация, а именно редакция — бережная и вдумчивая.

В это издание также включены два дополнительных текста, которые помогут вам глубже погрузиться в контекст. Первый — это знаменитое письмо из Женевы, в котором описывается история создания повести и даются живые зарисовки Байрона, Шелли и их круга. Оно было опубликовано вместе с первым изданием «Вампира» и служит своеобразным «документальным» обрамлением для мистической истории. Второй текст — это описание пребывания лорда Байрона на острове Митилена, составленное со слов очевидца. Этот любопытный путевой очерк показывает реального Байрона, каким его видели современники: эксцентричного,

щедрого, склонного к уединению и добрым делам. В нём нет намёка на вампиризм, но он помогает составить объёмный портрет человека, чей образ вдохновил Полидори на создание одного из самых живучих мифов.

Повесть Полидори — это мост между классической готикой конца XVIII века и тем вампирским романом, который расцвёл в викторианскую эпоху. Она невелика по объёму, но в ней сконцентрированы все главные элементы будущего жанра: таинственный незнакомец, роковая любовь, невозможность остановить зло, трагическая гибель невинных. И пусть сегодня нам трудно представить, что когда-то вампиры могли вызывать столь искренний ужас, — попробуйте прочитать эту повесть глазами современников Полидори. Тогда вы поймёте, почему после её появления по Европе прокатилась волна подражаний, а тема «живых мертвецов» надолго стала одной из главных в массовой культуре.

Приятного и, возможно, немного жуткого чтения. Помните: лорд Рутвен где-то рядом, и его голос, шепчущий «Помни свою клятву», может раздаться в самый неожиданный момент. Но не бойтесь — у страха есть свои границы, и они проходят там, где начинается искусство.

ВАМПИР

Повесть

Джон Уильям Полидори

1819

ВСТУПЛЕНИЕ (ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЬМА ИЗ ЖЕНЕВЫ)

Мне легко дышится в окрестностях этого озера. Земля здесь издавна возделана рукой человека; взгляд повсюду встречает следы его деяний. Они воскрешают в памяти былые сцены, где человек был главным героем, средоточием всего.

Не говоря о древних битвах и осадах, — вот бюст Руссо, а там дом с памятной надписью: под этой кровлей родился женеvский философ. Чуть поодаль от города — Ферне, резиденция Вольтера. Там этот удивительный и вместе с тем во многом презренный человек, подобно древним отшельникам, принимал паломников не только из своей страны, но и со всех концов Европы. Там же жил Бонне, а в нескольких шагах — дом удивительной женщины, мадам де Сталь. Она была, пожалуй, первой из женщин, кто воистину доказал — вопреки частым сомнениям, — что женщина ничуть не уступает мужчине в силе ума и благородстве. Прежде у нас были женщины, что писали занимательные романы и стихи; им помогало острое чутьё на светские нравы. Но со времён «Элоизы» никто из женщин ещё не явил способностей, которые считались исключительно мужским достоянием. Правда, и

здесь, как в случае с Элоизой, мужчины поспешили заявить, что вдохновителем её трудов был господин Шлегель — этакый Абеляр нашего времени. Но продолжим.

На том же берегу озера Гиббон, Боннивар, Брэдшо и другие — словно вехи нашей истории. На другом же берегу стоит дом Диодати, друга Мильтона. Здесь тот поэт, которого мы так часто читали вместе, несколько месяцев обретал приют. И если когда-либо человеческие страсти не угаснут, а чувства по-прежнему будут отзываться на зов природы, потомство непременно поставит его в первый ряд английских поэтов.

Вы, верно, слышали, а если нет, то третья песнь «Чайльд Гарольда» поведала вам, что лорд Байрон провёл здесь много месяцев. Несколько дней назад, побывав в Ферне, я вместе с друзьями отправился взглянуть на это обиталище. Я ступал по этим полам с тем же благоговением, что когда-то мы испытывали в стратфордском доме Шекспира. Я опустился в кресло в гостиной и с трепетом осознал, что сижу в том самом кресле, в котором он привык проводить долгие часы. Я застал там его служанку; однако она немного могла рассказать. Она показала на его спальню — она находилась на том же этаже, что гостиная и столовая, — и сообщила, что он ложился в три, вставал в два и подолгу одевался; что никогда не засыпал без пары пистолетов и кинжала у изголовья и что не ел мяса.

Казалось, он проводил на озере каждый день, подолгу

оставаясь в своей лодке. Из гостиной есть балкон, откуда видны озеро и горы Юры. Я не сомневаюсь: именно отсюда он созерцал бурю, столь ярко описанную в третьей песне. Отсюда открывается вся панорама — до последней черты, им запечатлённой. Мне видится он обгоревшей сосной, которая, когда всё вокруг погружается в покой, бодрствует, чтобы наблюдать то, что служило лишь слабым отображением бурь, опустошавших его собственную грудь.

Небо изменилось! — о, как! О ночь,
И буря, мрак — как дивно вы сильны,
И в мощи вашей хороши, как свет
Тёмных очей в женщине! Далеко
От пика к пику, средь грохочущих скал,
Рокошет гром! Не из единой тучи,
Но каждая гора теперь обрела язык,
И Юра отвечает сквозь туманную пелену
В ответ ликующим Альпам, что зывают к ней громко!
И это в ночи: — Славнейшая ночь!
Ты не для сна послана! Дай мне
Разделить твою дальнюю и свирепую радость, —
Долю бури и долю меня!
Как сверкает озеро, фосфорическое море,
И крупный дождь-комета пляшет, устремляясь к земле!
И вот снова тьма, — и вот ликование
Громких холмов сотрясает горный смех,

Словно они ликуют о рождении юного землетрясения.
Теперь, где быстрый Рейн прокладывает путь меж высот,
Что кажутся влюблёнными, расставшимися
В спешке, чьи бездонные глубины так меж ними легли,
Что встретиться им вновь не суждено, хоть разбиты сердца;
ца;

Хоть в душах их, что так друг друга разобзили,
Любовь была самым корнем безумной страсти,
Что погубила цвет их жизни, а затем ушла —
Угаснув сама, но оставив им век
Лет, полных зимы, — войну внутри самих себя вести.

Я спустился к крошечной пристани, где обычно стояла его лодка, и разговорился с крестьянином, который за ней приглядывал. Можете посмеиваться, но я получаю истинное удовольствие, стараясь оживить в воображении образ того, кем восхищаюсь, — для этого я доискиваюсь до всех мелочей, что окружали его в повседневности. Я расспрашивал в городе, но ничего не смог узнать. Он лишь раз бывал в тамошнем обществе, когда господин Пикте привёл его в дом одной дамы на вечер. Говорят, он весьма странен и, кажется, слывёт неучтивым. Рассказывают, например, что, пригласив на обед господ Пикте и Бонштеттена, он отправился на озеро, в Шильон, предоставив своему спутнику развлекать гостей и извиняться за него. В другой вечер, получив приглашение от леди Д—— Х——, он пообещал быть, но, подъе-

хав к её вилле и увидев через окна, что комната полна народу, посадил друга из экипажа, велел ему извиниться, а сам тотчас повернул домой.

Это опровергает те слухи, о которых вы пишете, будто соотечественники на континенте его избегали. Всё было наоборот: они, напротив, повсюду искали его общества, хотя, по большей части, тщетно. Правда, говорят, что в первый свой визит в Коппе, следуя за слугой, который доложил о нём, он застал даму, которую выносили без чувств; но не прошло и нескольких минут после того, как он сел, как та же дама, столь сильно взволнованная одним лишь упоминанием его имени, вернулась и беседовала с ним довольно долго — такова женская любознательность и жеманство! Он часто бывал в Коппе и, разумеется, встречался там со своими соотечественниками, которые отнюдь не чуждались того, кого лишь его враги выставляют изгоем.

Хотя в Женеве мои поиски были столь безуспешны, в других местах мне повезло больше. В нескольких милях от Женевы есть общество, где центром является графиня де Бресс, русская дама, хорошо знающая толк в светских удовольствиях и собравшая в своём поместье всё, что может их доставить. Я узнал, что именно здесь по большей части искал общества тот врач, что путешествовал с лордом Байроном. Почти каждый день он переплывал озеро в одиночку на одной из их плоскодонок и возвращался, проведя вечер с друзьями, около одиннадцати или двенадцати ночи, причём неред-

ко — когда в горах бушевали бури. Поскольку он со временем близко сошёлся с несколькими тамошними семьями, я, благодаря их рассказам, собрал немало замечательных подробностей о его светлости, которые когда-нибудь сообщу вам.

Однако я должен опровергнуть одно обвинение, возводимое на него, — будто у него в доме жили две сестры, которые разделяли его разгулы. Это, как и многие другие обвинения против его светлости, совершенно ложно. Единственным его спутником был упомянутый мною врач. Молва пошла оттого, что мистер Перси Биши Шелли, джентльмен, известный крайней экстравагантностью своих воззрений и дерзостью, с какой он их исповедовал, — вплоть до того, что подписался в альбоме в Шамони словом «АТЕОС»[1], — снял дом ниже по склону и жил там с мисс М. У. Годвин и мисс Клермон (дочерьми знаменитого Годвина). Они часто бывали у Диодати, и их часто видели на озере вместе с его светлостью. Это и породило слух, который я здесь решительно опровергаю.

Между прочим, та дама, от которой я узнал все эти истории, упомянула о наброске повести о привидениях, сочинённой лордом Байроном. Однажды вечером лорд Б., мистер Шелли, две дамы и упомянутый врач, прочитав немецкое сочинение «Фантасмагориана», принялись рассказывать друг другу страшные истории. И когда его светлость прочёл начало «Кристабели» (тогда ещё не изданной), это так подействовало на Шелли, что он внезапно вскочил и выбежал

из комнаты. Врач и лорд Байрон бросились за ним и нашли его опершимся на камин, с каплями холодного пота на лице. Они дали ему воды и спросили, что его так напугало. Оказалось, что его дикое воображение представило ему на груди одной из дам глаза (о которых рассказывали в связи с некоей дамой в тех краях, где он жил), и он вынужден был выбежать, чтобы избавиться от этого наваждения. Позднее кто-то из присутствующих предложил каждому написать историю на тему сверхъестественного. За это взялись лорд Б., врач и мисс М. У. Годвин[2].

У моей приятельницы сохранились черновики всех этих историй; она оказала мне величайшую любезность, дав их прочесть, и я пересылаю их вам, уверенный, что они возбудят в вас не меньший интерес, чем во мне, — ведь это наброски самого гения и тех, кто находился под его прямым влиянием.

[1] Безбожник (греч.). — Прим. автора.

[2] Впоследствии опубликовано под названием «Франкенштейн, или Современный Прометей». — Прим. автора.

НАЧАЛО

Суеверие, на котором построена эта повесть, широко распространено на Востоке. У арабов оно встречается часто, однако к грекам пришло лишь после утверждения христианства, а нынешний вид обрело уже после разделения Латинской и Греческой церквей. Тогда и возникло поверье, что тело латинянина, погребённое на греческой земле, не поддаётся тлению. Мало-помалу это представление росло, обрастая удивительными историями, которые дошли до наших дней: о мёртвых, восстающих из могил и питающихся кровью юных и прекрасных.

На Западе это поверье, с некоторыми местными особенностями, утвердилось в Венгрии, Польше, Австрии и Лотарингии. Там верили, что вампиры каждую ночь отпивают кровь своих жертв — оттого те чахнут, слабеют и быстро умирают. Сами же вампиры толстеют, вены их вздуваются до того, что кровь просачивается сквозь кожу, сочится из рта, из носа, из ушей.

В «Лондонском журнале» за март 1732 года напечатано любопытное — и, как уверяют, достоверное — описание одного случая вампиризма, якобы произошедшего в Мадрейге, в Венгрии. Власти провели дознание; свидетели единодушно показали, что некий гайдук Арнольд Пауль, лет за пять до того, рассказывал: в Кашове, на границе турецкой Сер-

бии, его мучил вампир, но он избавился от напасти, съев земли с вампирской могилы и натеревшись его кровью. Однако эта предосторожность не помешала ему самому стать вампиром[1] — уже через двадцать-тридцать дней после похорон многие жаловались на его нападения, и выяснилось, что от его рук погибли четверо.

Желая положить конец бедствиям, жители посоветовались со своим гаданьи[2] и откопали тело. Оно, как и водится при вампиризме, оказалось свежим, совершенно нетленным, а изо рта, носа и ушей сочилась алая, чистая кровь. Убедившись в этом, они прибегли к испытанному средству: вонзили кол в сердце Арнольда Пауля. И тогда, говорят, он испустил вопль — столь ужасный, словно был жив. После ему отрубили голову, тело сожгли, а пепел бросили в могилу. Точно так же поступили с телами тех, кто умер от вампиризма прежде, — чтобы они не напали на оставшихся в живых.

[1] Повсеместно верят, что человек, которого сосал вампир, сам становится вампиром и начинает сосать в свой черёд.

[2] Старший пристав.

Этот нелепый вздор я привёл не ради праздного любопытства: он лучше всего пояснит, о чём пойдёт речь. В Греции широко верят, что вампиром становится покойный, совершивший при жизни тяжкое преступление, — и является он не кому попало, а лишь тем, кого любил больше всего: родным и близким. На это есть намёк в «Гяуре»:

Но прежде, чем тебе суждено стать вампиром, тело твоё извлекут из могилы; и тогда, как призрак, ты вернёшься в родные края и будешь пить кровь всего своего рода — кровь дочери, сестры, жены; в полночь иссякнет их жизнь. Но это пиришество, которым питается твой бледный, живой труп, ты будешь ненавидеть. Жертвы твои, ещё не угаснув, узнают в тебе демона-отца; они будут проклинать тебя, а ты их, и ты увидишь, как твои цветы вянут на стебле. Но та, что падёт за твоё преступление, младшая, любимейшая из всех, — она благословит тебя именем отца, и это слово воспламенит твоё сердце. И всё же ты должен довершить своё дело: узреть последний румянец её щеки, последний отблеск её очей, впитать тот стеклянный взгляд, что застывает над мёртвой синевой. Тогда нечестивой рукой ты вырвешь пряди её золотых волос — те самые, что при жизни, срезанные, носились как залог любви, а теперь уносятся тобой как память о твоей муке. Они окропятся твоей же лучшей кровью; твой скрежет зубовный, твой иссохший рот... Тогда, бредя к своей унылой могиле, ступай и неистовствуй с гулями и афритами[3], пока они в ужасе не отступят от призрака, более проклятого, чем они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.